

Дискурсы классической литературы

УДК 82 – 95

Миленко Виктория Дмитриевна
Кандидат филологических наук, доцент,
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГАОУ «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: vika-milenko@yandex.ru

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ – САША ЧЁРНЫЙ – АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО: К ИСТОРИИ КОНФЛИКТА

В статье воссоздаются эпизоды критической полемики К. И. Чуковского с сатириконцами Сашей Чёрным и Аркадием Аверченко в 1909–1911 годах. Впервые конфликт рассматривается не только в личной, но и в политической и профессиональной (в том числе коммерческой) плоскостях. В журнале впервые публикуются и комментируются письма Аверченко к Чуковскому 1910 г.

Ключевые слова: «Сатирикон», «Речь», «Литературные стружки», сатириконцы, сатира, сатирический журнал, критический обзор, фельетон, литературный скандал, политический заказ.

Victoriya D. Milenko
PhD in Philology science, Associate Professor,
Institute of Educational and Humanities,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

KORNEY CHUKOVSKY – SASHA CHORNY – ARKADY AVERCHENKO: TO THE HISTORY OF THE CONFLICT

Abstract. *The article recreates episodes of a critical controversy between K. I. Chukovsky and satirikontsy Sasha Chorny and Arkady Averchenko in 1909–1911. For the first time the conflict is considered not so much in personal as in political and*

---

professional (including commercial) planes. Attachment contains letters of Averchenko to Chukovsky of 1910, which are published and commented also for the first time.

Key words: «*Satirikon*», «*Rech*», «*The Literary Chips*», *satirikontsy*, *satire*, *satirical magazine*, *critical review*, *feuilleton*, *literary scandal*, *political order*.

Для цитирования:

Миленко, В. Д. Корней Чуковский – Саша Чёрный – Аркадий Аверченко: к истории конфликта // Гуманитарная парадигма. 2019. № 2 (9). С. 5–21.

«Оттепельное» возвращение творчества сатириконцев Саши Чёрного и Аркадия Аверченко произошло во многом благодаря Корнею Чуковскому. Он инициировал выпуск томика стихов Саши Чёрного в Большой серии «Библиотеки поэта» (1960), редактировал его и написал к нему предисловие, хотя и жаловался в дневнике: «Я вожусь с Сашей Чёрным и... вижу, что сказать мне о нём нечего» [16, с. 289]. Позднее это предисловие, несколько расширенное, вошло в сборник мемуарных очерков Чуковского «Современники. Портреты и этюды» (1962), и объективно сложилось так, что оценки Чуковского стали каноническими. А именно: Саша Чёрный был слабый человек, никогда не улыбался, «чувствовал себя в „Сатириконе“ чужаком», а Аркадий Аверченко, напротив, был «круглолицый», «очень плодовитый писатель, неистощимый остряк, заполнявший своей юмористикой чуть ли не половину журнала» [12, с. 5].

Предвзятость Чуковского очевидна. Впрочем, Сашу Чёрного он изобразил сравнительно светлыми красками, возможно, зная, что жива его вдова, и не желая ссориться с «русским Парижем». Зато портрет Аверченко сочтется ядом, и в то же время он — результат перемен: о редакторе «Сатирикона» стало можно говорить. В том же 1962 году, когда вышли «Современники...», 21 декабря, случилось невероятное: «Правда» перепечатала фельетон Аверченко «Крыса на подносе». А в 1964 году вышел его сборник «Юмористические рассказы» — впервые за 36 лет полного издательского забвения писателя на Родине.

Так сама жизнь поставила точку в давнем конфликте Чуковского с этими сатириконцами. О причинах размолвки Корней Иванович хотя и рассказывал в том же мемуарном очерке, но без деталей, и называл лишь две стороны: себя и Сашу Чёрного¹. О третьей стороне — Аркадии Аверченко — он умолчал. Вероятно, не хотел ворошить историю «поединка», в котором если и не проиграл, то не одержал победы. Тем не менее, история эта неизбежно

---

¹ Дополнительные факты приводятся в статье А. С. Иванова «Переписка Саши Чёрного с Корнеем Чуковским» (2006) и нашей монографии «Саша Чёрный: Печальный рыцарь смеха» (2014).

получила огласку при издании новейшего 15-томного собрания сочинений Чуковского (М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001–2009). В 7-м томе, куда вошла публицистика 1908–1915 гг., были переизданы критические статьи Чуковского о «Сатириконе», а в комментариях приведены названия ответных статей Аверченко и выдержки из них.

Детально ознакомившись с этой полемикой, мы пришли к собственному видению её «технологии» и причин. Поэтому предлагаем впервые рассмотреть конфликт как минимум в трёх плоскостях: политической, профессиональной (в том числе коммерческой) и затем уже — личной. Сразу оговоримся: о первых двух пока можно судить лишь гадательно, последнюю же ярко иллюстрируют письма Аверченко к Чуковскому, которые мы также впервые публикуем и комментируем в журнале после данной статьи.

***

Для понимания подоплёки конфликта, как нам кажется, следует отталкиваться от революционного 1905 года, в конце которого Чуковский начал издавать и редактировать в Петербурге сатирико-юмористический журнал «Сигнал». На № 4 за политическую резкость издание было запрещено; в отношении редактора возбуждено судебное разбирательство. Пока оно шло, Чуковский продолжал *de facto* редактировать новую версию журнала, «Сигналы», хотя *de jure* в выходных данных значилось другое лицо. Финал этой истории оказался плачевным: Чуковского приговорили к заключению в крепость на полгода и — это важно! — к лишению права редактировать и издавать периодику сроком на 5 лет.

По счастью, тюрьмы Чуковский избежал, а вот отвечать головой за что-либо с тех пор опасался. В то же время сатирическая энергия требовала выхода, и Чуковский направил её на литературную критику. На этом поприще он, вчерашний одесский фельетонист, был далёк от академизма и формулировал свои выводы эмоционально, живо и убийственно остроумно. Современник восклицал: «...критик ли вообще Корней Чуковский? Ведь он сам неоднократно, в разгаре прений, любит повторять, что он отнюдь не критик, а только фельетонист» [8].

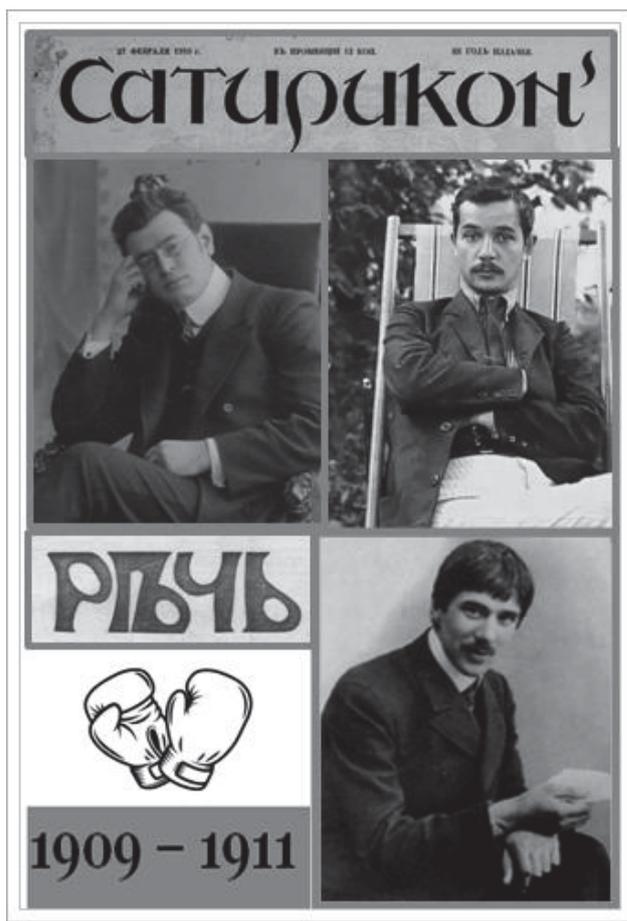
Словом, Корней Иванович продолжал существовать в стихии смеха, поэтому за «Сатириконом», возникшим в апреле 1908 года, наблюдал пристально и, полагаем, пристрастно. Он был уверен, что знает, *как нужно делать* сатирический журнал, и раздражался оттого, что Аверченко, по его мнению, что-то *делал не так*. Такова наиболее вероятная профессиональная подоплека грядущего конфликта, и всё-таки не она, думаем, была основной.

Забежим вперёд: Чуковский станет нападать на «Сатирикон» со страниц газеты «Речь», что издавалась партией кадетов, редактировалась главой этой

партии П. Н. Милюковым и кадетом И. В. Гессеном. В связи с этим трудно говорить о творческой свободе Чуковского и весьма сомнительно утверждать, что «Сатирикон» он «обижал» по каким-то личным мотивам. Все его упреки в адрес журнала в конечном счёте сводились к тому, что «Сатирикон», объявивший себя наследником боевой сатиры 1905 года, «поправел», обуржуазился, сдал прогрессивные позиции. А это — политика.

Так мы подходим к самому сложному и даже неприятному моменту. Если Чуковский – в этом конкретном конфликте с «Сатириконом» — выражал позицию кадетов, то с кем они сводили счёты? Какие политические силы стояли за «Сатириконом»? До сих пор никто даже не пытался ответить на этот вопрос: нет никаких данных, а просмотр подшивок журнала не даёт однозначного результата.

Говорить о независимости этого популярнейшего и фактически единственного в стране сатирического издания по меньшей мере наивно. Сам факт его долгой жизни (в тех-то условиях!) убеждает в обратном. Однако редактор издания Аверченко — по крайней мере, в известных нам источниках — не проговорился. Ре-Ми и Радаков, ведущие художники «Сатирикона», могли ничего и не знать. А проговорился, как нам кажется, издатель журнала М. Г. Корнфельд. В своих «Воспоминаниях» он рассказал, что «Сатирикону» покровительствовал А. В. Бельгардт, начальник Управления по делам печати, в чьё ведение входил и Цензурный комитет. Бельгардт был другом П. А. Столыпина, в то время премьер-министра и министра внутренних дел. Корнфельд не скрыл даже того, что некоторые рисунки негласно пропускал в печать лично Столыпин [7, с. 273]. Кроме того, как не вспомнить сейчас о том, что поклонником журнала был император, что он приглашал Аверченко читать в Царском Селе и т. д. Если наши предположения хотя бы отчасти верны, то совершенно ясно, почему Аверченко унёс всё это с собой в могилу. Слишком большая политика.

Коллаж В. Д. Миленко

Однако в данном случае нападки «Речи» на «Сатирикон» становятся понятны. Как и содержание статей Чуковского, к которым возвращаемся.

Принято считать, что о Саше Чёрном Чуковский впервые услышал ещё в 1905 году, потому что в его архиве остались черновики сатир поэта того времени. Аверченко же приехал в столицу в конце 1907 года и очень скоро, по его словам, познакомился с модным критиком Чуковским [6, с. 6]. Тот похвалил его рассказы и клятвенно заверил, что скоро напишет о нем большую хвалебную статью. Однако так ничего и не написал, зато пообещал, что скажет об Аверченко в своей новой лекции «Нат Пинкертон и современная литература». Каково же было удивление Аверченко, когда 15 октября² 1908 г., присутствуя на лекции, он услышал, а после публикации лекции и увидел свою фамилию в следующем пренебрежительном контексте: «...возник новый литературный род — пародия; и откуда-то вдруг, во все газеты, высыпало множество весёлых людей, шутников, пересмешников, и каких талантливых: О. Л. Д'Ор, Аркадий Аверченко... — и уж самим своим существованием они заявили: ни на каком костре мы гореть не хотим, да и вас не зовём гореть, нам бы передразнить кого-нибудь» [13, с. 57].

Трудно понять, тут хула или похвала. С одной стороны, отметили талант,

«Наши критики». Шарж работы Ре-Ми.
«Сатирикон». 1908. № 29.

с другой — упрекнули в фиглярстве и уводе читателя от гражданского «горения». Поэтому через 10 дней после лекции Аверченко ответил в том же духе хулы-похвалы: «Сатирикон» (№ 29) напечатал шарж Ре-Ми «Наши критики» на Чуковского, Петра Пильского и Максимилиана Волошина. Чуковский — длинный и гуттаперчевый, как змея, с пяточком вместо носа — играл куклами Леонида Андреева и Ната Пинкертон. Тут же, впрочем, Аверченко осёкся и на всякий случай сдал назад: в № 31 напечатал фельетон о В. М. Пуришкевиче «Большой человек» с посвящением Чуковскому. Поводом для фельетона послужил запрет на постановку пьесы О. Уайльда «Саломея», к которому оказался причастен Пуришкевич, заявивший, что действовал «как русский человек,

² Все даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

обязанный стоять на страже православия» [10]. Аверченко знал любовь Чуковского к творчеству Уайльда и хотел, по-видимому, выразить с ним солидарность.

Искал благосклонности Чуковского и Саша Чёрный, быстро ставший ведущим поэтом «Сатирикона». Корней Иванович бывал у него дома, обещал помочь в издании первой книги стихов, одним словом, их связывали уже и личные отношения. 8 марта 1909 года Чёрный напечатал в «Сатириконе» (№ 10) сатиру «Быт» («Ревёт сынок. Побит за двойку с плюсом...») с посвящением Чуковскому³. Это стихотворение и теперь одно из самых известных, и в то время было замечено, потому что поэт уже «гремел». Вместо благодарности Корней Иванович нанёс удар, положивший начало его конфликту с сатириконцами — или, как говорил Саша Чёрный, «критическому боксу».

16 августа 1909 года «Речь» напечатала статью «Современные Ювеналы», в которой Чуковский последовательно развенчивал Сашу Чёрного (вернее, «нищего духом» лирического героя его сатир), «Сатирикон», сделавший этого Сашу голосом интеллигенции, и «китов» журнала — Аверченко и художника Ре-Ми. Начиналась статья с выборки цитат из стихотворений Саши Чёрного, в которых лирический герой ругал себя «дураком», «истуканом», «ослом», «идиотом». Чуковский, отмечая стремление тогдашних поэтов к совершенно иным материям — провозглашению себя богами, — назвал Сашу Чёрного «удивительным поэтом», который «выводит себя на позор» [13, с. 436]. Также он обозвал его «инфузорией» и «писателем микроскопическим» [Там же]. Далее критик обрушился на «Сатирикон» (основной упрёк — в сытости и политической беспринципности), а ещё далее — на Аверченко и Ре-Ми, у которых «прожорливость... крепчайшие зубы и феноменальный желудок», которые «румяны и безмятежны» [13, с. 444]. Вот они, современные Ювеналы — даже удивительно, что их преследует цензура.

Если не принимать во внимание указанные нами выше факты о «Речи» и «Сатириконе», то появление этой статьи трудно объяснить. А вот при учёте их объяснение находится мгновенно. Статья появилась в разгар предвыборной гонки: на 21 сентября 1909 года были объявлены дополнительные выборы в III-ю Государственную Думу, и кадеты оказались в центре этого процесса. Место в Думе освободилось из-за исключения их депутата А. М. Колюбакина. Желая провести в Думу другого своего депутата (забежим вперед: так и случится, победит кадет Н. Н. Кутлер), партия

---

³ Стихотворение вошло в первый сборник Саши Чёрного «Сатиры» (1910) под названием «Обстановочка» и без посвящения Чуковскому.

мобилизовала все свои агитационные ресурсы, и «Речь» устами Чуковского обеспечила ей рекламный скандал. Предвыборная гонка началась именно в августе 1909 года, после обнародования высочайшего указа о проведении дополнительных выборов. Тогда же «ударил» Чуковский.

Если мы на правильном пути, то и выбор «жертв» можно объяснить. О «Сатириконе» и его предполагаемых покровителях мы уже говорили, а вот Саша Чёрный метнулся тогда к социал-демократам и печатался в их газете «Новый день», созданной специально под эти выборы в Думу⁴. Нам даже кажется странным, что Саша Чёрный, по признанию Чуковского, «разгневался чрезвычайно» на «Современных Ювеналов» и прекратил с ним «всякие отношения» [12, с. 16]. Полагаем, поэт не мог не понимать заказного характера статьи, а обиделся по личной причине — на «инфузорию» и «писателя микроскопического».

Итак, «бокс» начался, однако «слабый» (по словам Чуковского) Саша Чёрный на самом деле очень грамотно провёл линию защиты. Сначала он поквитался с кадетами. 5 октября 1909 года в социал-демократическом «Новом дне» напечатал сатиру «Невольное признание» на Гессена и Милюкова. Те — конституционные демократы! — спорили, есть ли вообще в России конституция: «Долго сидели в партийной печали. / Оба курили и оба молчали». А 17 октября 1909 года «Сатирикон» (№ 42) напечатал издевательское стихотворение Чёрного «Перед началом Думских игр (Беспартийная элегия)»: «Избранников кадет до крупных слёз мне жалко... / Позвольте мне над ними порыдать!». Назвав кадетских депутатов «девушками», поэт не забыл и обидевшую его газету: «О, лучше б дома пить им чай с лимоном, / Мечтать о Лондоне, читать родную „Речь“».

Что же касается Чуковского, то Саша Чёрный обвинил его в филологической некомпетентности: в своей статье тот не сделал различия между лирическим героем и автором. Об этом известная филиппика поэта о том, что за стихотворением, написанным от лица женщины, вполне может скрываться автор-мужчина, «и даже с бородою». Сначала она появилась в том же номере «Сатирикона» от 17 октября 1909 года, где и «Перед началом Думских игр...», в качестве строфы в стихотворении «Деликатные мысли», а позднее обрела самостоятельную жизнь и заглавие «Критику».

Аверченко же — по крайней мере, публично — никак не отреагировал. Ранее мы уже предполагали, что он скорее обрадовался «Современным Ювеналам»: у «Речи» был 40-тысячный тираж [9, с. 115]. Кроме того, Чуковский произвёл искусный манёвр, заявив в итоговом обзоре литературы

---

⁴ Газета «Новый день» издавалась с 20 июля по 13 декабря 1909 года; в числе прочего публиковала статьи В. И. Ленина.

за 1909 год, что «Сатирикон» целый год его радовал: «...может быть, единственный у нас сейчас журнал, где есть молодость, творчество, таланты, надежды... Бог весть, откуда взялась эта дружная артель даровитейшей молодёжи — с такой обострённой чуткостью ко всякой пошлости, с таким заразительным смехом! Во главе их беллетрист Аркадий Аверченко, которого давно пора „открыть“ <...> Он порою неразборчив в средствах, он часто груб, он подражает то Джерому, то Чехову, — но в нём целые залежи юмора, здоровья, и его аппетиту к жизни невольно завидуешь от души» [13, с. 469]. Как видим, акценты принципиально иные.

Словом, «Современные Ювеналы», если и разрушили товарищеские отношения Чуковского с Сашей Чёрным, то пока не задели редактора «Сатирикона». Об этом можно судить по очень тёплому тону его письма Чуковскому, которое мы приводим в публикации писем под № 15. Аверченко приглашал Корнея Ивановича с супругой в театр или кинематограф, балагурил и дурачился [3]. Между тем, мы склонны датировать письмо январем 1910 года, т. е. уже после «разгрома» в «Речи».

Вполне вероятно, что Аверченко не хотел портить отношения, так как готовил к изданию свои первые книги: одну, «Юмористические рассказы», выпускал «Сатирикон», другую, «Зайчики на стене», — издательство «Шиповник». Тон его письма, публикуемого под № 2 и датированного нами мартом 1910 года, — ещё более дружеский, где-то даже услужливый. К письму прилагались «Юмористические рассказы», о которых автор так хотел получить отзыв, что подписался «Ваш покорный раб и холопишка Аркашка Аверченко» [4]. Конечно, это шутовство, но заверяем: многие годы изучая эпистолярное наследие Аверченко, *такой* его тон встречаем впервые. Писатель настолько трепетал перед Чуковским, что выражал «неистовый восторг» по поводу его недавних фельетонов в той же «Речи», зазывал критика на обед к Софье Наумовне, своей тогдашней возлюбленной, и заканчивал письмо припиской, в которой оказался провидцем: «А „стружки“-то, а? Обещали нам, а даёте в „Речь“. Очень мило! Вот теперь Гессена и поколотят. А меня бы не поколотили!» [Там же].

Берёмся утверждать, что упоминается выпуск рубрики Чуковского «Литературные стружки» от 7 марта 1910 года, повлёкший за собой громкий скандал (его и предсказывал Аверченко). В этом выпуске Корней Иванович обвинил журнал «Современный мир» в мошенническом обмане читателей и

---

⁵ Здесь и далее — публикация в текущем номере журнала: Аверченко, А. Т. Письма А. Т. Аверченко К. И. Чуковскому / Публикация и примечания В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. 2019. № 2 (9). С. 22–26.

подписчиков: анонсировали-де на 1909 год произведения, которые так и не напечатали. Редактор «Современного мира» Н. И. Иорданский потребовал от Гессена публичного опровержения и извинений, в противном случае — дуэли. Потом был назначен литературный суд чести; заседания шли с 27 марта по 1 мая 1910 года.

В этом «боксе» тоже был политический оттенок: за «Современным миром» стояли социал-демократы. Не можем не подчеркнуть: Аверченко утверждал, что его не «поколотили» бы, т. е. Иорданский не посмел бы призвать его к ответу (?). Чуковский не мог похвастать тем же. На него обрушился такой поток брани, что в письме В. Я. Брюсову от 2 апреля 1910 года он жаловался: «...я так развинтился, что (буквально!) реву от иной газетной заметки» [17, с. 218]. Далее Чуковский благодарил Брюсова за то, что тот единственный его поддержал. Однако уже через несколько дней его поддержал и Аверченко, вставший в этом профессиональном конфликте редакторов на сторону Гессена. 9 апреля 1910 года в «Сатириконе» (№ 15) было напечатано стихотворение Владимира Воинова «„Миро“-понимание и „Миро“-ощущение», осмеивающее Иорданского (см. комментарий к письму № 3).

Благодарность Чуковского нельзя не назвать своеобразной. 17 апреля 1910 года он напечатал в «Речи» положительную рецензию «Юмор обречённых» на... сборник Саши Чёрного «Сатиры». Да, у поэта также вышла первая книга, одновременно с Аверченко, однако не думаем, чтобы он присылал её Чуковскому для отзыва. Чёрный был плохой дипломат, и в отношениях с людьми — максималист. Достаточно сказать, что посвящение Чуковскому с сатиры «Быт» он снял. Книгу мог прислать тот же Аверченко — она вышла в издании «Сатирикона».

На этот раз тон «Юмора обречённых» оказался значительно более уважительным, настроение скорее задумчивым, оценки осторожными, хотя Чуковский и не преминул заметить, что «Сатиры» лучше было бы назвать «Песнями самоубийцы». Корней Иванович отныне разводил поэта и его лирического героя, анализируя исключительно последнего и пытаясь нарисовать его портрет: «Саша — есть средний интеллигент нашего времени, тот самый, который в шестидесятых годах был бы нигилистом, в семидесятых — народником, в девяностых — марксистом или ницшеанцем, — то самое пушечное мясо идей, которое и осуществляет в русском обществе различные „течения“, „направления“, „идеологии“» [13, с. 500]. Книга, написанная этим «Сашей», думающим, что это «Сатиры», на самом деле его последнее, прощальное письмо, «которое распечатает пристав, когда выломают дверь и вынут посиневшего Сашу из петли» [13, с. 501]. Тут же, впрочем, Корней Иванович спохватился, памятуя о прежних своих

заблуждениях: «Повторяю, „Саша Чёрный“ не автор, а художественный образ, „тип“, но, если говорить об авторе „Саша Чёрного“, то в его лице мы должны приветствовать новую литературную силу» [13, с. 502].

«Юмористические рассказы» Аверченко так и остались без отзыва. Между тем их автор, приняв сторону Чуковского в конфликте с «Современным миром», наверняка рассчитывал если не на благодарность, то хотя бы на благосклонность. В публикуемом нами письме Аверченко № 3, которое датируем концом апреля 1910 года, тот уверял, что всецело на стороне Корнея Ивановича: «...в эти дни Ваших неприятностей я душевно с Вами и рад, что могу сказать: Чепуха! Перемелется — мука будет!» [5]. Заверял: «...ей-богу, миленький, выходящие мои книги не причина этому. Черт с ними!» [5]. И снова зазывал на обед.

Однако на сей раз приподнятый тон можно объяснить тем, что Аверченко чувствовал себя виноватым. У них с Чуковским вышла размолвка: Корней Иванович сначала разрешил напечатать в «Сатириконе» (№ 17 от 23 апреля 1910 года) издевательское стихотворение о себе, а потом на него обиделся. Вот это стихотворение:

В. Ирецкий

Из современных русских песен (На мотив «Погиб я, мальчишечка»)

Белая бумага, чёрный карандаш,
Родом из Одессы⁶, а в душе апаш...
Погиб я, Чуковский, погиб я, зоил, —
Успех у галёрки меня развратил.

Горького зарезал⁷, «Мир Божий»⁸ убил,
Всеволода Гаршина⁹ в цифрах утопил.
Погиб я, Чуковский, погиб людоед,
И быть мне Бурениным¹⁰ через десяток лет.

Эртелев проулок¹¹, нижний фельетон,
Бывшие все люди и авансов звон.
Погиб я, мальчишечка, погиб навсегда,
И за годами проходят года.

---

⁶ Ошибка: К. И. Чуковский родился в Санкт-Петербурге.

⁷ Вероятно, статья «Новый Горький», напечатанная в «Речи» 28 февраля 1910 г.

⁸ «Мир Божий» — название «Современного мира» до 1906 г.

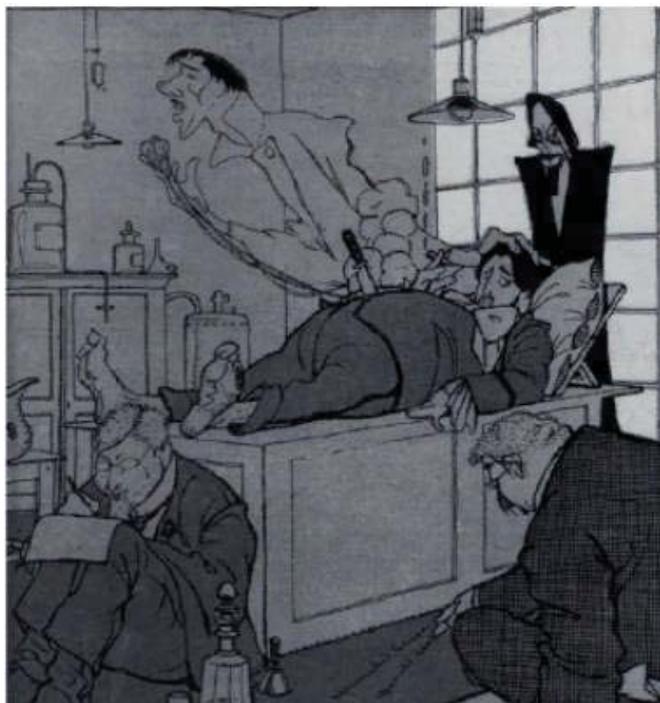
⁹ Статья «О Всеволоде Гаршине (Введение в характеристику)», напечатанная в журнале «Русская мысль» (№ 12) в 1909 г.

¹⁰ Буренин Виктор Петрович (1841–1926) — известный критик; в описываемое время имел репутацию крайнего реакционера.

¹¹ Эртелев переулок, 6 — адрес редакции газеты А. С. Суворина «Новое время», в которой печатался В. П. Буренин.

Автор пародии недвусмысленно намекал на то, что Чуковский громит всё революционное и прогрессивное, тем самым приближаясь к уровню суворинского «Нового времени». Обидевшись на «Сатирикон», Чуковский тем более замкнулся в молчании. Однако, судя по всему, чувствовал себя неудобно, потому что 10 июля 1910 года записал в дневнике о визите к журналисту В. А. Полякову: «Там Аверченко, вялый и самодовольный. <...> Я с ним облобызался — и, под предлогом, удрал» [15, с. 163]. Где-то в эти дни он наверняка получил для отзыва вторую книгу Аверченко — «Весёлые устрицы», также выпущенную «Сатириконом». И что же? 31 августа 1910 года Корней Иванович написал Брюсову: «Из „хлётких“ статей у меня сейчас изготавливается ругательная статья об Аверченке („Весёлые устрицы“»)» [17, с. 232]. А ведь он мог бы поддержать Аверченко: тот получал на свои первые книги сплошь отрицательные отзывы и расстраивался тем больше, чем выше оказался читательский спрос.

Позднее Корней Иванович, по всей вероятности, получил для отзыва и третью книгу Аверченко «Зайчики на стене», вышедшую в октябре 1910 года в «Шиповнике». Снова промолчал. В ноябре «Сатирикон» передал ему привет: в № 46 Чуковский увидел себя на очередном шарже работы Ре-ми «Лекция об Андрееве». На операционном столе лежал зарезанный ударом в живот Леонид Андреев, а Чуковский препарировал его, вытягивая кишки... Корней Иванович продолжал молчать, и «хлёткая» статья никак не появлялась. Зато Аверченко прочитал в итоговом обзоре литературы за прошедший 1910-й год, что он — духовный брат Арцыбашева («Смехотвор и самоубийца! Оба они — одно!» [13, с. 509]), что оба они укрепляют читателя в праве на всё «наплевать» и ничем не интересоваться [Там же]. Впрочем, Аверченко рассказывал, что 31 декабря 1910 года Чуковский его даже предупредил по телефону, что в этой статье, мол, всё как-то не так сказало [6, с. 7].

«Лекция об Андрееве». Шарж работы Ре-Ми.
«Сатирикон». 1910. № 46.

Справедливости ради заметим, что Аверченко не мог не понимать: Чуковский во многом прав. От боевого революционного духа журналистики

1905 года, который поначалу удавалось сохранять, почти ничего не осталось. «Сатириконе», действительно, «правел», ориентировался на массовый спрос, юмористика значительно потеснила в нём сатиру, а рисунков с обнажённой натурой могло бы быть и поменьше. Тому были объективные причины (зависимость журнала, о которой мы уже говорили), но и субъективные, о которых много лет спустя рассказывал поэт-сатириконец Василий Князев. Он утверждал, что ещё в 1909 году Аверченко и ведущие художники журнала Ре-ми и Алексей Радаков добились от издателя своего процента в прибыли, поэтому платить огромные штрафы за цензурные изъятия более не желали [11, с. 4]. Разумеется, это слухи, но они многое объясняют.

«Поправение» журнала расстраивало не одного Чуковского, но и того же Сашу Чёрного, который позже назовёт атмосферу в журнале «танцклассной». Поэт был согласен с критикой (только не в свой адрес, разумеется) и к 1911 году укрепился в решении расстаться с Аверченко. Это его решение каким-то образом спровоцировало очередной виток «бокса» с Чуковским: 12 марта 1911 года в «Сатириконе» (№ 11) появилось стихотворение Саши Чёрного «Корней Белинский. Опыт критического шаржа». Автор зло осмеял экзотические названия рецензий критика, неожиданность его трактовок литературы, бравирование английскими цитатами и прочую «кустарную» кухню¹².

Возможно, поэт хотел напоследок «хлопнуть дверью», Аверченко же, вне всяких сомнений, стремился спровоцировать Чуковского и заставить опубликовать «хлётскую статью». Поэтому пошёл ва-банк: 2 апреля, в № 14, он напечатал саркастический «Ответ читателю Дремлюгину» — тот же шарж «Корней Белинский», с такими же упрёками, но в прозе. Тем самым в «бнокс» вступил «тяжеловес»: редактор «Сатириконе» впервые публично выразил солидарность со своим сотрудником Сашей Чёрным. Возможно, вынужденно: именно в эти дни поэт покинул журнал.

К «Ответу читателю Дремлюгину», под которым Аверченко поставил дату 19 марта 1911 года, была сделана приписка: дескать, не успел автор отдать в типографию этот материал, как Чуковский разразился в его адрес статьёй «Устрицы и океан», и Аверченко даже не удивлён, что почти предсказал и название критического опуса (правда, он предполагал нечто вроде «устрицы и морское дно»), и то, что Чуковскому взбредёт в голову сравнить его с Ницше [1, с. 10].

Чудеса, конечно, бывают, но нам кажется, что Аверченко всё-таки знал содержание статьи Чуковского (она слишком долго созревала, автор мог

---

¹² Это стихотворение, по свидетельству Евгения Шварца, К. И. Чуковский перечитывал и в 1920-е гг., расстраиваясь: «Всё это верно!» [19, с. 97].

с кем-то поделиться основными тезисами). В таком случае это была продуманная мистификация, подогревшая читательский интерес к «боксу».

Итак, 20 марта 1911 года всё в той же «Речи» Чуковский наконец высказался по поводу книги Аверченко «Весёлые устрицы». Но не только: в его статье «Устрицы и океан» также препарировалась «трагедия в 7-ми картинах» «Океан» Леонида Андреева (отсюда и название). Критик начал с сожаления о том, что Аверченко слишком уж презрительно, в духе Ницше, относится к российскому обывателю, называя его «устрицей». Затем немедленно переключился на «Сатирикон», который, поначалу «нерутинный, несмердяковский», объявивший войну серым будням и серым людям, а также «Её Величеству Матери Пошлости», теперь скатился до того, что потрафляет вкусам именно средних обывателей, «устриц». Для них помещаются виньетки с полуголой или вовсе голой женской натурой, опостылевшие анекдоты о жене и неожиданно вернувшемся муже и как можно больше «кокоток, кокоток, кокоток» [13, с. 515]. Теперь каждая «устрица», идя по Невскому, кричит: «Газетчик! Дай-ка „Сатирикон“!» [13, с. 516]. Надо же, тупые «устрицы» завели себе «такой превосходный журнал»! Куда девался бунт против мещанства? Кто теперь помнит «Песню о Буревестнике»?! Вместо неё на Фонтанке «порхает какая-то птичка, этакий миленький чижик-пыжик!». Сатириконские Соколы стали Чижками...

И снова не можем не предположить, что команда «сходиться» последовала от кадетов или от тех, кто стоял за «Сатириконом» (всё-таки журнал первым нанёс удар). Именно в марте 1911 года возник серьёзнейший политический кризис, вызванный интригами вокруг реформ Столыпина (через полгода Петр Аркадьевич погибнет).

Как бы там ни было, Аверченко дождался рецензии. Полагаем, порадовался, что его «распяли» вместе с Андреевым, которого он очень уважал. В остальном же писатель отреагировал очень не скоро. Весь апрель и май он готовился к первому в своей жизни заграничному путешествию; летом был в Европе, а 4 сентября 1911 года наверняка прочитал в «Речи», как Чуковский ещё раз помянул его в статье «Проклятый род»: «Г. Аркадий Аверченко — явление почти сверхъестественное. Не столько человек, сколько машина. Машина для смеха — „смехофон“. Механический смешитель, совсем как настоящий. Чудо современной техники. Колёса вертятся день и ночь без завода и без ключа» [13, с. 537].

Аверченко оставил «смехофон» без ответа, однако следующий удар уже не смог пропустить. 5 ноября 1911 года он прочитал в «Речи» «Письмо в редакцию»... Саши Чёрного. Его бывший сотрудник, которого он всё-таки пытался защищать, во всеуслышание, да ещё и через «Речь», заявил, что считает «несовместимым с задачей сатирического журнала то увеселительно-

танцклассное направление, которое всё определеннее проводят в „Сатириконе“ за последнее время» и «выразителем» которого он никогда не был [9, с. 150]. Саша Чёрный публично встал на сторону Чуковского.

Это была последняя капля. Аверченко ответил жёстко, даже жестоко. Он знал, что Корней Иванович тяжело заболел, как сам говорил, «острым малокровием мозга», мучился бессонницами, нервничал и раздражался. Именно в это время, 25 ноября 1911 года, Аверченко напечатал в «Сатириконе» (№ 48)... некролог по Чуковскому. На войне как на войне.

Статья-«некролог» «Печальная страница (Воспоминания Аркадия Аверченко)» начиналась так: «Сейчас мне сообщили о смерти популярного критика и моего друга Корнея Чуковского» [6, с. 6]. Далее следовал шутовской по форме, но грустный по сути рассказ о том, как Чуковский, всякий раз обещая похвалить Аверченко, каким-то просто роковым образом ругал его и оскорблял. Выше мы говорили, что в письмах Чуковскому впервые увидели неожиданного Аверченко: заискивающего, не уверенного в себе. В «Печальной странице...» тот же образ автора, который унизился до мелочного перечисления обид... «Бокс» переместился в личную сферу: Аверченко хоронил свою дружбу с Чуковским. (Да и скандал перед началом нового подписного года был не лишним).

Корней Иванович сразу принял вызов: на следующий же день ответил через «Речь» заметкой «О моём некрологе». Сначала он парировал уверенно, оскорбил Аверченко сравнением с Фаддеем Булгариным: «Г. Аверченко уверяет читателей, будто при встречах с ним я расточал перед ним комплименты. Не стану его разубеждать. И Булгарин когда-то уверял, что его покойный друг Грибоедов был в восторге от его писаний» [12, с. 520]. Далее Чуковский доказывал, что всегда говорил правду о «Сатириконе», тревожась от того, что журнал принял направление «откровенно канканное», ушёл с головой в «кокоткологию» и перестал интересоваться крестьянским и рабочим бытом. А потом вдруг сорвался и выкрикнул: «...мои писания не расходились с моими словами! А если бы они расходились — кому какое до этого дело!» [13, с. 521].

Чуковский нервничал, а потому оказался уязвим. 9 декабря 1911 года в очередном выпуске «Сатирикона» (№ 50) Аверченко ответил убийственной заметкой «К. И. Чуковскому (Pro domo sua)». Писатель оставил без комментария сравнение с Булгариным, но не преминул отметить, что себя-то в таком случае Чуковский мнит Грибоедовым! Обвинение же в адрес «Сатирикона» — игнорирование народных нужд — Аверченко отвёл достаточно зло: «Корней Иванович Чуковский, говоря это, прекрасно знает, что он бьёт человека с заткнутым ртом и связанными руками. Ему как сотруднику прогрессивной „Речи“ это, казалось бы, и не пристало. Он, как

сотрудник прогрессивной газеты, прекрасно знает, что на рисунки существует предварительная цензура, которая ни одного яркого рисунка, освещающего быт крестьянина или рабочего, не пропустит» [2, с. 8]. И, наконец, окончательно разозлившегося Аверченко мы видим в финальном пассаже: «...в „Сатириконе“ проститутке отведено гораздо меньше места, чем, например, ему, г. Чуковскому. Кого же он имеет в виду, упрекая нас за излишнее внимание к проститутке?» [Там же].

Судя по всему, это был нокаут. Больше Корней Иванович о «Сатириконе» не высказывался, и трёхлетний «бокс» закончился. Последнее слово осталось за Аркадием Аверченко, и Чуковскому он с тех пор не писал.

Тем не менее мы не стали бы делать поспешных выводов. Возможно, Чуковский замолчал потому, что болел. А скорее всего потому, что с конца 1911 года начал постепенно отходить от «Речи» и увлёкся редактированием (уже можно было) детского альманаха «Жар-птица». Аверченко же достиг своей цели: читатели следили за «боксом». Например, Евгений Шварц, большой поклонник Аверченко, многие годы спустя вспоминал: «...Аверченко обругал (Чуковского. — В.М.) за предательский характер в „Сатириконе“, перечислив все обиды, нанесённые Чуковским ему и журналу, каждый раз будто бы по роковому недоразумению» [19, с. 95].

Что касается дальнейших отношений Чуковского с бывшими «противниками», то они не могли полностью прекратиться: люди были связаны профессионально. С Сашей Чёрным сотрудничество наладилось уже в начале 1912 года и продолжалось минимум до 1917-го. Аверченко бывал у Чуковского в Куоккала в годы Первой мировой войны, и в «Чукоккале» остался его автограф от 8 августа 1914 года [18, с. 85]. Далее, как известно, судьба развела бывших «боксёров»: Саша Чёрный и Аркадий Аверченко эмигрировали, Чуковский остался в Петрограде. 27 января 1935 года он упомянул об Аверченко в дневнике в связи с удивительным распоряжением Ленина переиздавать в Советской России фельетоны из «Дюжины ножей в спину революции»¹³ [15, с. 559]. О Саше Чёрном дневник Чуковского молчал вплоть до 1959 года, когда автор сел редактировать сборник, о котором мы рассказывали в начале статьи. Что касается эмигрантского наследия Аверченко и Чёрного, то упоминаний в нём имени Чуковского пока не обнаружено.

***

---

¹³ Речь идёт о статье В. И. Ленина «Талантливая книжка», опубликованной в «Правде» 22 ноября 1921 г. Содержала полемику с Аверченко по поводу содержания сборника «Дюжина ножей в спину революции» (1920, 1921) и заканчивалась рекомендацией переиздать некоторые фельетоны в Советской России.

Подводя итоги полемики 1909–1911 годов между К. И. Чуковским и ведущими сотрудниками «Сатирикона», можно утверждать следующее:

- критические выпады Чуковского в адрес журнала, его авторов и редактора были продиктованы не личными, а профессиональными соображениями (различием взглядов на тематику и проблематику сатирического журнала, на социальную функцию смеха и пр.);

- полемика отражала реалии политической борьбы своего времени и была коммерчески выгодна осуществлявшим её изданиям: журналу «Сатирикон» и газете конституционных демократов «Речь»;

- между сторонами конфликта существовали также личные отношения, которые выстраивались с учётом его перипетий.

В заключение отметим, что литературный скандал – сложнейшая технология, о которой можно судить с уверенностью, только владея фактами. Возможно, со временем в истории «критического бокса» К. И. Чуковского с сатириконцами появятся документы, и они смогут подтвердить или опровергнуть предположения, высказанные нами в данной статье. Научный поиск в этом направлении, безусловно, следует продолжить.

Литература

1. А. А. [Аверченко А. Т.]. Ответ читателю Дремлюгину // Сатирикон. 1911. № 14. С. 10.
2. Аверченко, Аркадий. К. И. Чуковскому (Pro domo sua) // Сатирикон. 1911. № 50. С. 8.
3. Аверченко, А. Т. Письмо К. И. Чуковскому // ОР РГБ. Ф. 620. Карт. 60. Ед. хр. 6. Л. 6.
4. Аверченко, А. Т. Письмо К. И. Чуковскому // ОР РГБ. Ф. 620. Карт. 60. Ед. хр. 6. Л. 3.
5. Аверченко, А. Т. Письмо К. И. Чуковскому // ОР РГБ. Ф. 620. Карт. 60. Ед. хр. 6. Л. 5.
6. Арк. А. Печальная страница (Воспоминания Аркадия Аверченко) // Сатирикон. 1911. № 48. С. 6–7.
7. Корнфельд, М. Г. Воспоминания / Подготов. к публ., коммент. Л. А. Спиридоновой // Вопросы литературы. 1990. № 2. С. 268–280.
8. Лукиан Сильный [Либрович С. Ф.]. Корней Чуковский как критик-карикатурист [Электронный ресурс] // Вестник литературы. 1910. № 1. URL: <http://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/lukian-silnyj-kornej-chukovskij-kak-kritik-karikaturist>
9. Миленко, В. Д. Саша Чёрный: Печальный рыцарь смеха. М.: Молодая гвардия, 2014. 366 с.

10. Носик, Б. М. С Лазурного берега на Колыму. Русские художники-неоакадемики дома и в эмиграции [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-boris-nosik/72944-s-lazurnogo-berega-na-kolymu-russkie-hudozhniki-neoakademiki-doma-i-v-emigracii-boris-nosik/read/page-15.html>
11. Седых, Иван [Князев В. В.]. «Цемент» «Сатирикона». Из книги воспоминаний о «Сатириконе» и «сатириконцах» // Литературный Ленинград. 1934. 8 июля. С. 4.
12. Чуковский, Корней. Саша Чёрный [Предисловие] / Саша Чёрный. Стихотворения. «Библиотека поэта». Большая серия. Л. : Советский писатель, 1960. С. 5–22.
13. Чуковский, К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2012. 735 с.
14. Чуковский, К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 11. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2013. 591 с.
15. Чуковский, К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2013. 655 с.
16. Чуковский, К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2013. 639 с.
17. Чуковский, К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. 687 с.
18. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М. : Русский путь, 2006. 584 с.
19. Шварц, Евгений. Мемуары. Paris : La Presse Libre, 1982. 239 с.

~